

*Шумилкина О.Г.,
к.филос.н., доцент кафедры логики, философии и методологии науки,
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»*

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ СВОБОДЫ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Одной из отличительных черт русской религиозной философии является её направленность на рефлексию духовно-нравственной жизни человека, поиск ее конечных оснований, среди которых свобода имеет свое особое значение. Проблема свободы личности тесно взаимосвязана с принципами автономии и теономии, определяющими мировоззренческие аспекты человеческого сознания.

Свобода представляет собой многомерный, насыщенный множеством смыслов феномен, которому невозможно дать однозначное, исчерпывающее определение. В философской традиции свобода довольно часто рассматривается только в каком-либо частном ее проявлении: свобода как свобода выбора, или как познанная необходимость, или как способность начала нового ряда состояний. Подобная фиксация на отдельных аспектах данного феномена не способствует созданию целостной концепции свободы, в которой указанные антиномии нашли бы своё гармоничное разрешение.

В рамках религиозно-философской мысли проблематика свободы раскрывается в сфере богочеловеческих взаимоотношений, в модусе осмысления ее природы, в восприятии её как зла, непосильного бремени или как величайшего дара Божия, способности человека к творческому преображению мира. В этой связи комплекс проблем соотношения свободы и бытия, свободы и ничто, свободы и творчества, автономии и теономии свободы занимал умы представителей отечественной религиозно-философской мысли, среди которых Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский. Современные философы так же не обходят своим вниманием широкий круг проблем, связанных с указанной проблематикой. Среди них большой интерес представляют философские исследования В.Н. Финогентова, внесшего значительный вклад в осмысление феномена свободы. В.Н. Финогентов предлагает рассматривать категорию свободы посредством понятий "гетерономия", "теономия" и "автономия" в тесной взаимосвязи с проблемами онтологии, аксиологии, этики, философии религии и богословия. Автор даёт следующие определения предложенным им понятиям: "Гетерономность - термин, означающий буквально "инозаконность", то есть определяемость поведения, деятельности человека внешними, независимыми от него ("другими" по отношению к нему) детерминантами (природными, общественными и т.д.). Автономность - термин, означающий буквально "самозаконность", иначе говоря, самоопределяемость человека" [7, с. 120]. В.Н. Финогентов формулирует весьма интересную, на наш взгляд, антиномию свободы в религиозно-философском контексте. В качестве "иных, других"

детерминант, определяющих бытие человека, выступает Бог. "В таком случае на место антиномии, заключающейся в столкновении принципов автономии и гетерономии, приходит антиномия, состоящая в столкновении принципов автономии и теономии (theos - Бог; теономность - богозаконность)" [7, там же]. Использование предложенных В.Н. Финогентовым терминов и определений, предполагает, на наш взгляд, более глубокое и целостное исследование феномена свободы в истории отечественной религиозно-философской традиции.

Следует отметить, что существенное влияние на разработку тематики оказало учение о человеке И. Канта, в котором автор описывал и соотносил принципы автономности и гетерономности свободы. Русские религиозные философы осуществили синтез указанных принципов, преодолев тем самым узость "моральной теологии" немецкого мыслителя. Обращение ими к аспекту свободы в православной традиции обогатило светское содержание и раскрыло глубочайший духовно-нравственный смысл данного понятия [8, с. 147-148].

Н.А. Бердяев, которого можно было бы назвать "вдохновенным певцом свободы", развивал своё учение в рамках персоналистической метафизики. Его концепции присуща идея объективации, согласно которой в "падших" природном и социальном мирах свобода человека растворяется в необходимости. Однако, по мнению мыслителя, свобода не является атрибутом исключительно Божиим, свобода тождественна человеческому духу, она есть его творческая основа и динамика. Жизнь духа раскрывается только в процессе тесного, непосредственного взаимодействия двух природ - божественной и человеческой. Сакральная встреча свободы Бога (теономии) и свободы человека (автономии) происходит в духовном мире. Философ утверждает: "Свобода человека обосновывается на требовании Бога, на воле Божьей. Человек должен исполнить волю Божью, но воля Божья в том, чтобы человек был свободен духом... Утверждение свободы человека есть исполнение воли Божьей... И во имя Бога... должно утверждать свободу человека... не только свободу в Боге, но и свободу в признании Бога" [1, с. 93-94].

Н.А. Бердяев убеждён в том, что в недрах духовной свободы нет различий между автономией и теономией. Автономное сознание, в котором свобода отрицательна, формалистична и беспредметна, выводит человека из-под контроля гетерономии, но оставляет его в узких рамках собственного волеизъявления и законотворчества. Истинная свобода духовного человека содержательна и положительна, подвижима желанием жить в Боге и для Бога. Именно христианство, с точки зрения философа, открывает тайну соединения божественной и человеческой природы при сохранении их различия. По сравнению с И. Кантом, который отождествил автономию и теономию, редуцируя их к божественному началу, Н.А. Бердяев указал на особое значение человека в творении, проявляющееся в его свободном акте принятия Бога или же Его отторжения. В слиянии автономии и теономии человек обретает высшую свободу выбора между творческой, преображающей мир свободой сына Божия или безблагодатной свободой зла.

На наш взгляд, по сравнению с И. Кантом, Н.А. Бердяеву удалось довольно четко выделить непосредственно человеческое в синтезе принципов автономии и теонии. Однако их вдохновенное соединение, разработанное отечественным мыслителем в контексте православного догмата о двуединой природе Иисуса Христа, не предполагает философского решения вопроса антиномии указанных принципов. [8, с. 150].

Вслед за Н.А. Бердяевым, проблема свободы в аспекте богочеловеческих отношений интересовала известного религиозного философа С.Н. Булгакова. По нашему мнению, можно говорить о некоторой близости взглядов русских мыслителей, проявившейся в их воззрении на взаимосвязь автономности и теонности, а так же в выведении источника свободы из "ничто" [8, с. 151].

С.Н. Булгаков отмечал значение соединения божественного всемогущества с тварной свободой для судеб мира. Он утверждал: "Для окончательного сотворения мира нужно скрепить эти обе основы - Божественное всемогущество и тварную свободу, нерушимо охраняемую Божественной любовью, в одно неразрывное целое и тем окончательно согласовать божеское и человеческое. Это соединение двух естеств и произошло во Христе, истинном Боге и совершенном человеке" [2, с. 352].

В отличие от Н.А. Бердяева, видевшего свободу человека в выборе между добром и злом и их добровольном принятии, С.Н. Булгаков склонен оценивать данный феномен отрицательно, связывая его с ущербностью бытия твари. Согласно его мысли, Бог вкладывает в свободу твари задачу осуществления или не осуществления ею потенций собственного бытия. Автор убеждён: "Свобода твари упирается в ничто как свою основу: призвав к бытию ничто, божественная мощь сама себя ограничила, дала место твари. Божественное самоистощание в пользу тварного ничто и образует положительную основу тварной мощи и свободы" [2, с. 181].

В контексте своей "софиологии смерти" С.Н. Булгаков указывает на свободу твари как на истинный источник первородного греха и смерти. Философ утверждает: "Человек не выдержал обладания свободой, которой почил его Творец, и в падении своём он утратил духовное равновесие, сделался рабом своего естества, а это рабство и есть смерть и смертность..." [3, с. 135].

По мнению В.Н. Финогентова, русский мыслитель склоняется к приоритету теонии в аспекте отношений Бога и человека [8, с. 152]. Свобода, дарованная твари Создателем, может распространяться только на выбор путей решения мировых задач, поставленных перед ней Богом. Однако всеведение и всемогущество Творца ничуть не умаляет реальность человеческой свободы, принадлежащей ограниченному тварному миру и связанной с неабсолютностью, ущербностью твари [3, с.184].

На наш взгляд, философ довольно неоднозначно оценивает природу и значение свободы человека. С одной стороны, свобода стала причиной первородного греха и смертности человека, но с другой стороны, С.Н. Булгаков надеется на восстановление свободы, возможное благодаря победе над рабством смерти и возвращению в безгреховное и догреховное состояние человека [3, с. 136].

Для исследования антиномии свободы большой интерес представляют идеи Б.П. Вышеславцева. Вслед за Н.А. Бердяевым автор говорит о наличии бесосновной свободы в "ничто" и свободе, которая обоснована в добре и истине. Соглашаясь с Н.А. Бердяевым в том, что в философской мысли традиционно игнорируется наличие первой свободы, Б.П. Вышеславцев предупреждает: "игнорирование свободы произвола может означать недооценку этой свободы в сравнении со второй, её практическое отрицание и подавление во имя свободы в добре. Тогда мы получим деспотизм Великого Инквизитора, т.е. совершенное уничтожение всякой свободы во имя уничтожения субъективного произвола" [4, с. 193-194].

Б.П. Вышеславцев, опираясь на "Этику" Н. Гартмана, предлагает иную, по сравнению с И. Кантом, антиномию свободы. Автор формулирует её как антиномию долженствования: "Долженствование ценностей, обращаясь к человеку, должно быть абсолютным и ненарушимым; и вместе с тем оно не смеет и не должно быть абсолютным и ненарушимым... Ценности притязают на полную детерминизацию той самой личности, которая имеет ценность лишь как не детерминированная ими вполне" [4, с. 196]. Данное положение приводит к столкновению суверенитета принципа и суверенитета свободной личности.

По мнению мыслителя, преодоление указанной антиномии осуществляется в позитивной свободе, содержащей в себе автономию лица и автономию принципа, находящихся между собой в отношениях восполнения. Невозможность их раздельного существования даёт мыслителю право утверждать, что долженствование не может уничтожить свободу, но может лишь направить к свободному избранию ценности. В религиозном контексте антиномия разрешается при помощи понятия "благодати", снимающей детерминацию, исходящую от царства ценностей и оставляющей свободный выбор, автономию человека. Б.П. Вышеславцев считает, что "антиномии свободы и трагизмы свободы" преодолевается посредством сублимации "низшей человеческой воли посредством высшей, божественной" [4, с. 200].

В.Н. Финогентов отмечает, что Б.П. Вышеславцеву не удалось объяснить способ соединения двух свободных волей - божественной и человеческой и решить проблему соотношения автономии и теонмии [8, с. 158]. Введение понятия "сублимации", смысл которого раскрывается Б.П. Вышеславцевым посредством богословских терминов "обожение", "благодать" находится в рамках традиционного христианского миропонимания, однако по замечанию В.В. Зеньковского, привносит во взгляды автора элемент натурализма [5, с. 837-846].

Проблему взаимоотношения принципов автономии и теонмии в своих философских исследованиях затрагивает В.В. Зеньковский. Автор утверждает, что в рамках этической автономии, где свобода является определяющей компонентой моральной жизни, а так же в христианском свободном обращении души к Творцу автономии как таковой ещё нет. Проводя глубокий анализ этики И. Канта, русский философ указывает на некоторые её слабые стороны. По его мнению, заложенное в автономной этике стремление устранить субъект свободы из сферы трансцендентного ведёт к появлению в ней элемента

мистицизма агностического характера. Кантовская этика требует безусловного подчинения живой эмпирической личности императиву "чистой воли", выказывая субъектом свободы субъект не эмпирический, а трансцендентальный. В.В. Зеньковский пишет: "Независимая этика, освобождая этическую жизнь от религии, разрывая связь нашу с Отцом нашим на небе, - отдает затем нас в плен непостижимому началу в нас... В эмпирической нашей жизни нет и не может быть свободы, здесь царит неотменимая, сплошная причинность, - между тем этическая задача, изнутри связанная с излучениями свободы, заключается как раз в переработке именно эмпирического нашего состава" [6, с. 310]. Философ убежден в том, что в глубине человеческого духа нет какой-либо этической силы, а потому можно говорить лишь о свободе некоего таинственного трансцендентального субъекта.

Согласно мнению В.В. Зеньковского, в человеческой душе, утратившей Бога, царит хаос, чувство собственной неустроенности; возникает понимание своей неспособности познания тайны свободы, бесплодности свободы натуральной и тоска по высшему началу. Отсюда столь необходимым является обращение к христианской, теонормной этике, в коей подлинная свобода проявляется в соединении с Христом, в преображении греховной человеческой природы. Автор констатирует: "Мы свободны, но в Церкви, мы всем сердцем, всем существом отдаемся зовам любви, но сознаем, что эти движения любви в нас глубже индивидуальности нашей. Оттого совершенно неправильно характеризовать систему христианской этики, как систему гетерономии: не извне, а изнутри, из самых глубин сердца идут движения любви, нет и не должно быть ничего внешне навязанного или внешне исполняемого, все обвеяно свободой, все питается и определяется этой свободой, но самая свобода не есть всецело индивидуальная функция..." [6, с. 304].

На наш взгляд, мыслитель в силу своих религиозных воззрений не ставил перед собой задачу философского решения дуализма принципов автономии и теонормии. Говоря о неприемлемости идей гетерономии и этической автономии для христианского сознания, В.В. Зеньковский настаивает на решении проблемы свободы в контексте теонормии. Согласно его взглядам, свобода человека является не его собственной свободой, а свободой, принадлежащей Богу; христианин склоняется в смирении и любви перед волей Всеблагого Творца [8, с. 161].

Проблема свободы в контексте богочеловеческих отношений является одной из основных в религиозно-философской мысли, сводящейся к общему вопросу об отношении между частным, индивидуальным существом и существом универсальным, целостным. Решение антиномии свободы видится философами либо в аспекте автономии, самоопределяющейся свободной воли человека, либо в аспекте теонормии, в добровольном подчинении человеческой воли высшей, благодатной воле Творца.

Автономия, с одной стороны, возвеличивает человека, с другой стороны лишает его твердой нравственной почвы, делая созданную им систему ценностей относительной или оторванной от его эмпирической сущности. Автономное сознание сталкивает личность с разнообразными фобиями,

страхом смерти или страхом перед жизнью, перед окружающими чужими и страхом перед самим собой. Свобода представляется тяжелейшим бременем и наказанием, к которому, по мнению Ж.-П. Сартра, мы приговорены пожизненно.

Вслед за В.Н. Финогентовым мы можем говорить о невозможности рационального обоснования тайны взаимодействия двух разнородных свобод – свободы божественной и человеческой. Однако вполне обоснованно можно говорить об особом, благодатном душевном настрое верующего, стремящегося согласовать собственную волю с божественной. Свобода человека, его творческая сила, способная изменять самого себя и окружающий мир, делается возможной благодаря кеносису, самоограничению Бога ради своего падшего, но любимого создания. К человеку как единственному центру направлены лучи божественной любви, ему дана свобода выбора духовного пути, направленного на преобразование греховного естества, либо на существование в духовной летаргии.

Список цитируемой литературы:

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
3. Булгаков С.Н. Из русской думы. Т. 2. М., 1995.
4. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М., 1994.
5. Зеньковский В.В. О значении воображения в духовной жизни (По поводу книги Б.П. Вышеславцева "Этика преображенного Эроса") // Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избранные произведения. М., 2006.
6. Зеньковский В.В. Автономия и теонмия // Путь. 1926, № 3.
7. Финогентов В.Н. "... И ропщет мыслящий тростник" (О бессмысленности и смысле жизни человека. О временном и вечном в бытии человека. О свободе и не свободе человека) / Уфа, 2000.
8. Финогентов В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., 2009.